

19837

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

конца 40-хъ годовъ.

Л. Л. Сокальского.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“

КІЕВЪ.

Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская улица, № 14.

1906.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

конца 40-хъ годовъ.

Л. Л. Сокальскаго.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“

КІЕВЪ.

Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, № 14.

1906.

Изъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ конца 40-ыхъ годовъ.

Два года назадъ исполнилось столѣтіе основанія Харьковского университета. Наши провинціальныя университеты сыграли въ исторіипросвѣщенія на Руси роль громадной важности, несмотря на относительно молодой свой возрастъ и рядъ тяжелыхъ условій, среди которыхъ имъ приходилось осуществлять свое призваніе. Мрачныя эпохи русской исторіи тяжело отражались на академической жизни и ложились гнетомъ на развитіе научной мысли. Именно на университеты всегда обрушивались первые удары наступавшихъ реакцій, работа затихала, университеты замирали... Но нѣтъ такихъ силъ, которыя способны были бы убить живой гуманистическій духъ научнаго знанія, и тлѣвшійся въ стѣнахъ научнаго храма огонекъ не угасалъ—являлись отдѣльныя выдающіяся личности, выносившія на своихъ плечахъ достоинство просвѣтительныхъ ученыхъ, учреждений. Благодаря этому наши университеты не переставали въ дни самыхъ темныхъ эпохъ являться отрадными оазисами, исключительными центрами интеллигентныхъ кружковъ, среди мертвящей, однообразной пустыни невѣжественной провинціи недавняго прошлаго. Если воспоминанія о нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ этого прошлаго могутъ казаться печальной тѣнью на праздникъ просвѣщенія, то соображенія объ извѣстной поучительности этихъ картинъ для современниковъ могутъ служить оправданіемъ ихъ появленія.

Настоящія замѣтки, отысканныя въ бумагахъ покойнаго П. П. Сокальского, представляютъ бѣгло набросанные отрывки, которыя

должны были служить матеріаломъ для задуманныхъ, но, къ сожалѣнію, невыполненныхъ, воспоминаній о жизни харьковскаго университета. П. П. Сокальскій вступилъ въ харьковскій университетъ въ 1848 году и окончилъ его въ 1852 г., получивъ степень кандидата за работу „объ основаніяхъ, входящихъ въ составъ среднихъ жировъ.“ Въ 1855 г. по защитѣ диссертациі „О термохимическихъ изслѣдованіяхъ и значеніи ихъ для теоретической“ химіи былъ удостоенъ факультетомъ степенью магистра химіи. Впослѣдствіи П. П. Сокальскій оставилъ научныя занятія химіей, увлеченный изслѣдованіями въ области музыкальной этнографіи и началъ музыкальную психологію.

Несмотря на эпизодичность, эти замѣтки даютъ достаточно опредѣленное представленіе объ общемъ характерѣ части университетской коллегіи той эпохи. Нельзя не испытывать извѣстной доли грустнаго впечатлѣнія, вызываемаго этой страничкой жизни профессорскаго быта. Полицейско-бюрократическій режимъ университетскаго управленія не могъ дать иныхъ плодовъ. Въ „гипотри“ проф. Мицкевича, и „магистра свенскаго, галльскаго, латинскаго, греческаго и другихъ языковъ“, приводимой авторомъ замѣтокъ, рисуется любопытная картинка нравовъ того времени.

Незаконченностью и краткостью матеріала объясняется нѣкоторая односторонность въ описаніи, куда не вошли портреты представителей иного направленія и духа ученыхъ дѣятелей, какъ напр., Каченовскаго, Лавровскаго и др.

Л. С.

Посѣщеніе университета императоромъ Николаемъ I. ¹⁾

Въ 1850 году императоръ Николай I возвращался съ юга Россіи въ Петербургъ и по дорогѣ долженъ былъ прибыть въ Харьковъ. Университетъ сталъ готовиться къ посѣщенію его государемъ. Тогда инспекторамъ назначались военные, и въ Харьковскомъ университетѣ инспекторомъ состоялъ полковникъ Строевъ, въ общемъ недалекій и добродушный человекъ. Студенты,

¹⁾ Объ этомъ посѣщеніи повѣствуетъ въ своихъ недавно появившихся воспоминаніяхъ и П. Вейнбергъ („Русское Богатство“, февраль 1905 года). Въ общемъ рассказы весьма схожи, что придаетъ всему эпизоду характеръ исторической достоверности.

какъ и весь чиновный людъ николаевского времени (студенты числились въ XIV классѣ) должны были брить бороду и усы. Къ числу приготовлений относились и репетиціи встрѣчи, которыя устраивалъ полковникъ-инспекторъ въ актовомъ залѣ, разставляя насъ въ военномъ порядкѣ, въ „шеренги“ и старательно уча, какъ отвѣчать на привѣтствія согласно и стройно.

Наступилъ день пріѣзда. Всѣ отдѣленія, факультеты, лабораторіи, музеи, библіотека готовились къ осмотру. Мы собрались въ актовомъ залѣ и выстроились передъ кафедрой, съ которой произносились рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ. Около полудня забѣгали, засуетились, потомъ все смолкло, всѣ подтянулись. Въ дверяхъ показалась высокая, мощная и красивая фигура Николая, и за нимъ — свита и попечитель. Тишина настала подавляющая. Николай быстрой, твердой поступью прошелъ на середину залы и остановился передъ студентами. Лицо у него было хмурое, суровое, недовольное. Встрѣча не удалась — гробовое молчаніе царило въ залѣ. Говорили потомъ, что это обстоятельство произвело непріятное впечатлѣніе на государя. Сверкающимъ, пронизывающимъ взглядомъ Николай обводилъ ряды студентовъ, останавливая на мгновеніе свой острый взоръ на каждомъ въ отдѣльности. И вдругъ раздался его сильный звучный голось, потрясшій тишину:

Это что такое?..

Къ нему подбѣжалъ Строевъ и сталъ, перегибаясь, смотрѣть по направленію взгляда Николая. Онъ вытягивался, всматривался, теряясь въ догадкахъ, прищуриваясь. Взглядъ государя становился грознѣе.

— Что это такое?

Строевъ снова склонялся...

— Это кафедра, ваше императорское величество...

Нѣтъ, не то!.. Вотъ это... это... И государь два раза гнѣвно провелъ рукой у себя подъ подбородкомъ. — Подъ арестъ! распушенность!.. Образины!

Николай обратился къ попечителю, распекъ и разнесъ его, и, не прощаясь, твердой поступью быстро вышелъ изъ актовой залы и покинулъ университетъ. Оказалось, что у студента, стояшаго передъ Николаемъ, подбородокъ не былъ достаточно гладко выбритъ, и Николай усмотрѣлъ подозрительную синеу. Этимъ ограничилось посѣщеніи университета. Строевъ былъ смѣщенъ. Студентъ исключенъ.

Профессора Якимовъ, Лукьяновичъ, Протопоповъ, Рейпольскій и Платоновъ.

Якимовъ читалъ краснорѣчіе и исторію русской литературы. Открывая свой курсъ и дѣлая краткое вступительное обзорѣніе того, что намѣренъ былъ читать, Якимовъ заявилъ: — „прежде, господа, я читалъ и о Шишковѣ, но теперь для краткости времени пропустимъ его. Бывало и о Пушкинѣ читалъ, но для краткости времени пропустимъ“.

Якимовъ былъ очень занятъ всегда различными хозяйственными вопросами и не интересовался своимъ предметомъ. Когда М. И. Сухомлиновъ защищалъ свою диссертацию „о драматической литературѣ“, то Якимовъ, назначенный оппонентомъ, за три дня до диспута обѣгалъ впопыхахъ по всему городу и искалъ сочиненій Пушкина, чтобы прочесть его „Русалку“ и „Бориса Годунова“. А на диспутѣ упрекалъ Сухомлинова, что онъ не вникъ въ „Русалку“, такъ какъ не отмѣтилъ сдѣланнаго Пушкинымъ упущенія драматическаго момента, а именно отсутствія у Пушкина описанія, что дѣлалъ князь съ русалкой, увлеченный ею на дно рѣки? Озабоченный хозяйствомъ, Якимовъ на своихъ лекціяхъ постоянно прерывалъ изложеніе вопросами: — „господа, гдѣ вы берете такую ваксу, что такъ блестятъ ваши сапоги?“ Читая однажды о Карамзинѣ, онъ спрашиваетъ вдругъ — „г. Туфовъ! А гдѣ вашъ папенька сохраняетъ картофель во время половодья?“

Лукьяновичъ, читавшій Римскую исторію, излагалъ ее съ кафедръ по тетрадкѣ, одной и той-же пзъ года въ годъ. Читалъ онъ лѣниво, да и тетрадка поизносилась, такъ что то и дѣло случалось слышать: „Римъ былъ окруженъ *смертью*, то бишь, стѣною“...

Научныя занятія его, между прочимъ, заключались въ изслѣдованіяхъ серебряныхъ ложекъ: онъ взвѣшивалъ ложки своего времени и находилъ, что римскія серебряныя ложки, судя по изслѣдованнымъ имъ источникамъ, значительно легче. Подъ видомъ матеріала для этихъ ученыхъ изысканій студенты въ критическіе моменты подносили ему серебряныя ложки „для цѣлей науки“, и Лукьяновичъ составлялъ цѣлые столовые приборы...

На лекціяхъ онъ любитъ повторять:

— Вотъ говорили, что ученые уже всѣ знаютъ про Римъ. Ань нѣтъ. Недавно открыли, что много еще есть такого, чего мы и не знали...

И съ нѣкоторымъ торжествомъ, въ тайное оправданіе свое, заключалъ:

— Какъ не трудись, а науки не исчерпаешь...

У Протопопова, читавшаго философію, замѣчательно было опредѣленіе логики, которое тянулось сплошной фразой на двухъ страницахъ. Это опредѣленіе не поддавалось никакому пониманію, и его долбили, какъ таблицу умноженія. Когда онъ желалъ конкретно представить слушателямъ безконечность духа, онъ брался руками за свой воротничекъ и вытягивалъ его и шею въ безконечность. Однажды онъ пришелъ въ аудиторію за нѣскольکو минутъ до звонка, сталъ усиленно откашливаться, прочищать горло, сморкаться, — вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Ну хмъ, хмъ, на слѣдующій разъ будетъ продолженіе...“

Большой оригиналъ былъ И. Н. Рейпольскій, читавшій терапію и патологию. Онъ выдѣлялся въ профессорской средѣ независимостью и самобытностью. Во всякую погоду онъ ходилъ въ галошахъ и съ зонтикомъ. Читалъ онъ лекціи своеобразно, совершенно углубляясь въ теченіе своихъ мыслей, не замѣчая слушателей, ни того, что дѣлалось въ аудиторіи. Однажды Рейпольскій пришелъ въ пустую аудиторію, гдѣ не было ни одного слушателя; не замѣчая ничего вначалѣ, онъ взоспелъ на кафедру и сталъ читать. Спустя нѣсколько времени, студенты, работавшіе случайно въ сосѣдномъ помѣщеніи, слышали, какъ Рейпольскій остановился, чувствуя въ одиночествѣ что-то неладное, и потомъ обращался къ пустующимъ скамьямъ:

— Господа! Что же это васъ здѣсь никого нѣтъ?!

При чтеніи онъ обыкновенно избиралъ какой-нибудь предметъ, куда упорно и неизмѣнно направлялъ свой взглядъ. Въ теченіе одного полугодія такимъ притягательнымъ дѣйствіемъ обладало мѣсто съ ниточками отъ оторванной пуговицы на мундирѣ одного студента, сидѣвшаго въ первомъ ряду. Какъ-то этому студенту пришла въ голову мысль пришить пуговицу; Рейпольскій, придя въ аудиторію, направилъ свой взоръ на обычное мѣсто и, найдя тамъ пуговицу вмѣсто ниточекъ, пришелъ въ такое смущеніе, что пробормоталъ нѣсколько фразъ и ушелъ, не дочитавъ лекціи.

Шестуя въ галошахъ, для которыхъ онъ придумалъ названіе „мокроступовъ“, и подъ зонтикомъ по улицамъ Харькова, онъ никого не стѣснялся, и когда ощущалъ извѣстную естествен-

ную надобность, останавливался для того гдѣ попало въ самыхъ открытыхъ мѣстахъ. Если въ это время кто либо проходилъ мимо, онъ громко, съ разстановкой повторялъ каждому неизмѣнно: — „тотъ, кто удерживается отъ испусканія, получитъ каменную болѣзнь“..

Князь Долгоруковъ получилъ однажды запросъ о томъ: полезно ли распространять просвѣщеніе и заводить училища между государственными крестьянами? Князь устроилъ обѣдъ, созвалъ профессоровъ, и послѣ обѣда говоритъ: — „а, кстати, пожалуйте сюда, есть дѣло.“ Собрался въ отдѣльную комнату: князь, Артемовскій, Пауловичъ, Платоновъ и другіе. Князь спрашиваетъ: — ну, какъ вы думаете — полезно или нѣтъ? Всѣ задумались. Тогда Платоновъ, поправивъ двѣ горѣвшія свѣчи на столѣ, заговорилъ: — „Оно конечно-съ; просвѣщеніе, — точно-съ; но я вотъ, чтобы ваше сіятельство не затруднять-съ, этакъ примѣромъ выражу мнѣніе-съ: а что вотъ теперь здѣсь двѣ свѣчи; я думаю, свѣтло-съ?“ — „Ну да, свѣтло, такъ чтоже?“ — возражаетъ князь. — „И точно-съ, двѣ свѣчи разгоняютъ мракъ-съ; свѣтло, какъ днемъ. А вотъ-съ, если... Платоновъ приподнялся и погасилъ одну и другую свѣчу. — „Мракъ, ни зги не видно... продолжалъ въ темнотѣ къ общему изумленію Платоновъ: — гдѣ, что — ничего разобрать нельзя-съ, ваше сіятельство. Такъ и во тьмѣ невѣжества“..

„Гисторія“ профессора Мицкевича.

Мицкевичъ читалъ римское право. Онъ былъ братъ извѣстнаго польскаго поэта, котораго онъ, смотря по обстоятельствамъ, то признавалъ своимъ братомъ, то отрицалъ всякія родственныя съ нимъ связи.

Максимовъ пришелъ къ нему, передъ экзаменомъ на магистра, совѣтоваться. Мицкевичъ разговорился и на своемъ плохомъ русскомъ языкѣ рассказалъ слѣдующее:

— „То бо вы на магистра хотите? Да, теперь уже съ жизнью пора ознакомиться. Вступайте теперь въ свѣтъ. То бо жили до сихъ поръ памятью, теперь практическую жизнь надо учить. И я учился ей. И я кончилъ курсъ въ университетѣ, и то бо знаю, какъ это приходится учиться жизни. Помните одно, то бо я вамъ покажу. Смотрите, вотъ два пальца (указательный и третій): одинъ короче, другой—длиннѣе. Природа бо не ошибается, знаетъ на что это одинъ короче, а другой длиннѣе. То бо такъ нужно

вотъ смотрите: этотъ короткій есть расходъ, а длинный—приходъ. Вотъ когда будете такъ жить, что расходъ (проводя по указательному пальцу) короче прихода, то бо будете въ довольствѣ. А если расходъ будетъ длиннѣе (указывая на третій), то не будетъ вамъ довольства. То бо нельзя въ этомъ ошибиться. Натура уже знаетъ, зачѣмъ это. То бо помните это, и будетъ вамъ хорошо. Если же расходъ перейдетъ отсюда сюда (указывая на длинный палецъ), то будетъ скверно... То бо вы кончили курсъ теперь въ юридическомъ факультетѣ, но не знаете, что такое люди есть. Я тоже ничего не понималъ въ практической жизни, когда окончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ и выдержалъ экзаменъ на магистра. То бо поѣхалъ въ Петербургъ искать счастья. Приѣхалъ, живу то бо помаленьку. Мѣста всѣ заняты. Всюду перебивалъ, то бо ничего не нашелъ. Вотъ слышу я, что есть комиссія составленія свода законовъ—начальникъ графъ Блудовъ. Я надѣлъ фракъ, изъ послѣднихъ денегъ купилъ перчатки, вытеръ шляпу, и иду. Прихожу. То бо швейцаръ стоитъ. Фракъ лучше моего, и сукно тоньше, и часы есть золотые, и цѣпка, и перчатки бѣлыя.—„А то бо принимаютъ?“—„Кого вамъ?“—„То бо графа Блудова.“—„Занятъ. Не приказано принимать.“—„А то соя на минуту.“—„Да вы откуда?“—„То бо я—магистръ юридическихъ и политическихъ наукъ, обученъ латинскому, венгерскому, чешскому, швейцарскому, нѣмецкому и другимъ языкамъ.“—Швейцаръ замолчалъ. Я думаю, какъ бы такъ расположеніе приобрести. Въ карманѣ оставалось еще три двузлотыхъ; я то бо вынулъ ихъ но дать боюсь: какъ не приметъ, да швырнетъ? А бо приметъ да ничего не сдѣлаетъ?—А можетъ и не приметъ; не знаю, какъ это сдѣлать. Вотъ это я думаю такъ про себя, и смотрю: швейцаръ вынимаетъ табакерку и открываетъ ее.—„Позвольте, говорю, щепоточкой табачку вашего попользоваться?“ Швейцаръ и говоритъ: „то бо пользуйтесь.“ Я потихоньку и положилъ три двузлотыхъ въ табакерку. Швейцаръ посмотрѣлъ и положилъ ихъ въ карманъ.—„Такъ то бо можно будетъ мнѣ видѣть графа?“—„Можно. Я вотъ проведу васъ въ залъ.“ И такъ такъ пошелъ впереди и провелъ въ залъ. Я сталъ у дверей, такъ чтобы осмотрѣть какъ и что. То бо было народу тамъ всякого! Уходить и приходятъ. Позвали наконецъ, и меня. Я бо знаю—поль гладкій, танцовать не учился, такъ чтобы шуму не было да и чтобы не упасть, на цыпочкахъ прошелъ залу, то бо и вхожу въ кабинетъ.—„А кто вы такой?“—спрашиваетъ графъ.—„А то бо магистръ законовѣдѣнія, обученъ латинскому, швейцарскому, галль-

скóму, греческому и еврейскому языкамъ.“—„А фамилія?“—„Мицкевичъ.“—„Такъ вы, значить, братъ того, что дѣйствовалъ въ Польшѣ?..“ А я тутъ уже вижу, что лицо серьезное, говоритъ уже не такъ, и смотритъ прямо въ глаза,—такъ хоть тотъ Мицкевичъ мнѣ и братъ, но я сказалъ:—„то бо я его и знать не знаю, какой онъ мнѣ и братъ? должно быть однофамилецъ...“—„Ну, хорошо, говоритъ, вы писать умѣете?..—„Какъ же, то бо я магистръ законовѣдѣнія и древнихъ языковъ...“—„Да что древнихъ, намъ нужно знаніе русскаго языка,—вѣдь законы-то не вы будете сочинять, а писать будете, что прикажутъ. Такъ вы знаете русскій, языкъ? Умѣете писать по русски?—А я бо плохо зналъ языкъ русскій, только отвѣчалъ, что знаю и писать могу.—„Ну такъ напишите мнѣ статью какую нибудь для испытанія почерка, слога вашего и знанія.“—„То бо хорошо.“—„Такъ вотъ вамъ, говоритъ, бумага, перо и чернила; садитесь, напишите о *Карамзинѣ*.“—А я бо плохо зналъ, только слышалъ, что есть Карамзинъ, да то бо гисторію написалъ, вотъ и все, что я тогда зналъ. Сѣлъ, пишу себѣ, какъ знаю, и то бо написалъ. Только, подѣ конецъ такъ, мнѣ и пришло въ голову: а какъ то пишется порусскому: „гисторія“ или „исторія“. То бо я думалъ долго, но не знаю точно, какъ это по русскому пишуть, и то бо взялъ и написалъ „исторію“, да предѣ „и“ поставилъ маленькое „г“. Вотъ, то бо, какъ спросить, а зачѣмъ вы написали гисторія?—такъ я скажу, что я написалъ исторія, а г—то бо закорючка уже, больше ничего, такъ бо привыкъ писать: а то бо какъ спросить, зачѣмъ вы написали исторія, а не гисторія, то бо я скажу:—„ваше сіятельство, тамъ бо есть маленькое г, то бо и означаетъ гисторію.“ Пришелъ графъ, взялъ и прочелъ то бо все, что я написалъ.—„Ну, говоритъ, хорошо; умѣете писать; то бо зачѣмъ же вы поставили гишторія?“—„А то говорю, почеркъ мой такой есть, что завсегда закорючку предѣ большою И ставлю, что должно бо читать не гишторія, а исторія.“ Такъ оно все и случилось, какъ я размувилъ собѣ.—„Ну говоритъ графъ, такъ какъ же вы, когда начнете заниматься у насъ въ комиссіи?“—„А когда то-бо угодно будетъ вашему сіятельству.“—„Ну, хоть и завтра начинайте.“ Такъ уже и отпустилъ хотѣлъ, когда я спросилъ:—„а какіе то бо *кондиціи* ваши будутъ?“—„Какъ якія *кондиціи*? Да у насъ за счастье считаютъ служить въ подобной комиссіи, безъ жалованья года два—три служить, то бо и вы сначала привыкнете къ дѣламъ, а тамъ посмотримъ...“—„Ну, какъ хотите.“ То бо кивнулъ и ушелъ,—и я то бо ушелъ. Вижу: скверно. Надо служить, надо

жить. Пошелъ я къ министру народнаго просвѣщенія; тогда булъ графъ Уваровъ. Прихожу. Принимаетъ. Спрашиваетъ:—„кто такой есть?“—То бо магистръ законовѣдѣнія, языковъ свейскаго, галльскаго и другихъ,—„Фамилія?“—То бо Мицкевичъ.—А! Мицкевичъ? это не вашъ ли братъ, знаменитый польскій поэтъ?—То бо вижу фizioномія, така радостна, я правда сказалъ: братъ. То бо онъ обнялъ меня, спросилъ не хочу ли я адъюнктомъ во Владимірскій университетъ?—„То бо хочу...“ И такъ молодой человекъ, то бо видите: дали мнѣ прогонные деньжонки, то бо и казенные деньги на подъемъ, то бо и жалованье назначили, и я узялъ и такъ таки то бо и поѣхалъ въ Кіевъ. А тамъ уже поживъ столько-то годочковъ, перешелъ сюда. То бо вотъ вамъ и гинторія моя.—Учитесь такъ-то и вы практической жизни: помните эти два пальца, расходъ да приходъ, да не забывайте—табакерку и закрючку. То бо и вамъ хорошо будетъ.“¹⁾

¹⁾ Мицкевичъ читалъ римское право. Несмотря на осуществленіе въ дѣятельности своей принциповъ „Закрючки“ и „табакерки“ даже и онъ вызвалъ слѣдующее знаменитое отношеніе попечителя Кокошкина въ Харьковскій университетъ: „слѣдить за тѣмъ, чтобы въ умахъ студентовъ не оставалось *впечатлѣній* съ лекцій профессора Мицкевича“. Такое было время.